

~~C~~
A-6637

Д 6637

801-95
4836-1

СТ. ИВАНОВИЧ
(В. И. ТАЛИН)

[Handwritten signature]

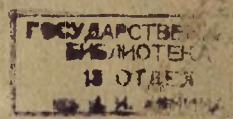
Красная армия

4
15

П А Р И Ж

Издательство «Современные Записки»

1931

83-4770

!Все права сохранены за автором

Tous droits réservés

2015115953

59654

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	стр. 7 — 8
Глава первая. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КРАСНОЙ АРМИИ. — I: Интернациональная концепция красной армии. II: Если будет война. III: Война и революция в идеологии большевизма. IV: О пролетарской военной культуре	стр. 9 — 34
Глава вторая. ЧТО ТАКОЕ “КРАСНЫЙ МИЛИТАРИЗМ”? — I: Комплектование красной армии. II: Кадры для борьбы с врагом внутренним. III: Роль коммунистической партии в красной армии. IV: Армия на побегушках у гражданской и партийной власти. V: Милитаризация населения ..	стр. 35 — 63
Глава третья: СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ. — I: Крестьянский характер армии. II: Борьба за социальный состав армии. III: “Классовый отбор” в подготовке командного состава. IV: Социальный состав командирских кадров	стр. 63 — 86
Глава четвертая. КРАСНАЯ АРМИЯ — ШКОЛА КОММУНИЗМА. — Армия, как форма обязательной политической повинности. II: Что красная армия дает своим питомцам? III: Эпистолярная повинность красноармейцев. IV: Борьба с религией в казарме.	стр. 87 — 109
Глава пятая. ЦАРСТВО ДУХОВНОЙ ФИКЦИИ. — I: Как ведутся в казарме политзанятия. II: Культурный уровень преподавателей и учеников. III: Педагогика в тисках террора. IV: Результаты политико-просветительной работы в казарме	стр. 110—130
Глава шестая. КРЕСТЬЯНСКАЯ СТИХИЯ В КРАСНОЙ КАЗАРМЕ. — I: Русская аграрная революция и красная армия. II: Крестьянские настроения в красной армии. III: Колхозный нажим в армии. IV: Военная служба и крестьянские интересы	стр. 131—153
Глава седьмая. КОММУНИЗМ И КОМСОМОЛЬЦЫ В КРАСНОЙ АРМИИ. — I: Коммунистические кадры армии. II: Двойная власть и двойное подчинение в рядах воинского коммунизма: III: Борьба за воинскую примерность	

коммунистических кадров. IV: Борьба за партийную привилегию в красной армии. V: Проникновение «чуждых элементов» в армейские коммунистические организации, стр. 154—180

Глава восьмая: КОММУНИЗМ И КОМАНДНЫЙ СОСТАВ. —

I: Старое офицерство и беспартийный командир. II: Столкновение в армии двух иерархий: партийной и воинской. III: Внутренний разлад в армейских парторганизациях. IV: Моральные итоги коммунистического господства над армией . . . . . стр. 181—205

Глава девятая. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГЕРОИКА И КАЗАРМЕННЫЕ БУДНИ. —

I: Новое военное поколение и ветераны. II: Культура красной казармы. III: От «революционной дисциплины» к муштре. IV: Мелкобуржуазная стихия и коммунистическая добродетель.—Заключение, стр. 206—231

Приложения: Схемы организационных отношений между коммунистической партией и красной армией . . . . . стр. 232—236

Источники . . . . . стр. 237—238

Ссылки . . . . . стр. 239—242

Глава девятая и последняя.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГЕРОИКА И КАЗАРМЕННЫЕ БУДНИ.

Сумерки революции и военная молодежь. Что стало с героями красной армии периода славы и сказочных подвигов? “Голоса, гремевшие на кровавых полях, робко звучат в стенах канцелярий”. Революционная поэзия и казарменная проза. Казенно-бюрократическая историография красной армии. Батальная живопись коммунизма. Что поют и играют и как веселятся в красной казарме. Борьба с романтикой в вопросе о дисциплине. Споры о “муштре” в красной армии. Брутальные и оскорбительные формы дисциплинарной практики. Издевательства над красноармейцами. Дисциплинарный язык и дисциплинарный фольклор. Элементы каторжного быта в низах армии. Коммунистическая диктатура усугубила тяжелое наследие некультурности и отсутствия чувства личности. Почему не удаются попытки кастового замыкания командного состава? Единственно господствующая каста — ВКП — боится образования конкурирующих кастовых тенденций. Погружение командного состава в тину провинциально-мещанского быта. Антисемитизм в красной армии. Женский вопрос в красной армии. Погоня за женами из “высших” классов. Стенька Разин и персидская княжна.

I

К десятилетию красной армии в «Красной Звезде» появилась статейка, протестующая против упадочных настроений среди нового поколения военной молодежи. Автор следующим образом иронизировал над этими упадочниками.

«Сейчас все больше в ходу — цифры, деловой факт, конкретное предложение, практический вывод, земные будничные дела. Некоторым пылким юношам от всего этого скучно. Они жалуются: полноводная река великой революции обмелела, покрылась тиной, нет беззаветных подвигов, нет героики, романтики нет. Вместо того, чтобы биться с «гидрой» мирового капитала, завоевывать мир — мы корпим над учебниками, аккуратно пришиваем пуговицы, чистим винтовки, стреляем не в оголтелых

золотопогонников, а в мертвую мишень. И так день за днем. Все рассчитано, высчитано, все по плану... Будни, будни. «Скука...»¹⁾.

Значение этого показания трудно преувеличить. В нем по существу заключается смертный приговор всем попыткам коммунистической диктатуры вдохнуть в красную армию трепещущую душу революционно-социалистического мессианизма. Если «будни» одолевают психику инициативной, жадной до жизни и подвигов молодежи, если ржавчина скуки начинает разъедать ее боевой энтузиазм, то откуда же в крови красной армии возьмутся животворные красные шарики революции?

Рядом с этим показанием о настроении военной молодежи у нас имеется трагическое по форме и содержанию повествование о настроениях в среде отставных ветеранов красной армии, сказочных героев эпохи гражданской войны, далеких уже лет подвигов и славы. Один из талантливых советских беллетристов, Артем Веселый, поместил в журнале комсомола «Молодая гвардия» «полурассказ» под названием «Босая правда». В форме письма бывшего партизана к своему, еще ныне служащему, командиру льется горькая жалоба героев, выброшенных за борт.

«Дорогой товарищ, Михаил Васильевич!... Известный вам пулеметчик Семен Горбатов, голый и босый, заходит в профсоюз просить работу. Какая-то с вот таким рылом стерва, которую мы не добились в 1918 году, нахально спрашивает его:

— Какая твоя, гражданин, специальность?

— Я не гражданин, а товарищ — отвечает Семен Горбатов. — Восемь огнестрельных и две колотых раны на себе ношу, кадетская пуля перебила ребро, засела в груди и до сего дня мне сердце знобит.

— О ранах пора забыть, никому они не интересны. У нас мирное строительство социализма. Какая твоя, гражданин, специальность?

— Пулеметчик, — тихо ответил герой, и сердце его заняло от обиды».

Оказалось, что Горбатов не член профсоюза, следовательно, права на работу не имеет, а из демобилизованных дают работу только молодым увольнения последнего года. «а вас, старых, слишком много».

— Куда же нам, старым, деваться, ежели не всех нас перебила белая контр-революция?

— Профсоюз не богадельня...

— Значит, — с бессильным презрением говорит Семен Горбатов, — вы смотрите на меня в моем отечестве хуже, чем на пасынка?

Далее в письме излагается судьба бывшего командира эскадрона Афанасия Сычева. Сражался на всех фронтах храбро, белые повесили его мать, жена с перепугу сбежала и вышла за другого. «В 1921 году названный Сычев вернулся на родину, чтобы поправить здоровье и разоренное хозяйство, но хозяйства никакого не оказалось, так как на плане двора творчали лишь горелые пеньки». Сычев вновь пошел сражаться с бандитами, «побивал их беспощадно до полного уничтожения и в камышах саморучно застрелил полковника Костецкого. Спустя сколько-то времени, за неимением капиталов, пошел Афанасий батрачить». Но хозяин его скоро прогнал за посещение ячейки. Сычева определили сторожем при исполкоме. «На пасху, как большой любитель церковного звона, залез он на колокольню и, для веселия сердца, позвонил в колокола. За такую слабость Афанасий и был изгнан из партии, как «интеллигент, зараженный религиозными заблуждениями», а он двух слов подряд правильно написать не умеет и бога не признает с первых дней революции».

Автор письма видит источник всех бед в засилии «орловских», которые — «посиживают в холодочке, чай гоняют, о масле не думают, сами себя выбирают, сами себе жалованье назначают». «Орловские» — это недобитые буржуи, которые захватили власть и командуют. «Князишки, купчишки, адвокатишки, офицеры, попы и исправники остались, как раки на мели, на кубанском берегу... Осели у нас, полезли в советы, в тресты, в партию, школу, в кооперацию и так далее, и так далее. Не отстали от них и местные контры, которые при белой власти вредили нам, сколько могли. Все они хорошо грамотны и на языки востры — для каждого нашлось местечко». В местной ячейке партии 40 человек, из них «орловских и сочувствующих им 22... Орловские все глубже пускают корень. Дети их лезут в комсомол, а внуки в барабанчики. Таких комсомольцев мы зовем золочеными орешками. Орловские нас судят и рядят, орловские нам ковыряют глаза за несознательность, орловские нас учат и мучат. Мы перед ними и дураки и виноваты кругом и должники неоплатные...» И дальше идет печальный перечень.

«Сычев до того дожил, что харкает кровью и кормится при тетке из жалости». «Боец Егор Марченко живет по-прежнему в бедной хижине, так как дворца ему не досталось, хотя и много покорила он земель и городов». «От семьи вахмистра Бабенко осталась в живых одна старуха Печониха». Все остальные погибли на войне, дочь на глазах матери изнасиловали до смерти. Выхлопотали старухе пенсию в 6 р. 50 коп. Но орловские до того загнали старуху по канцеляриям да волокитам, что «от

великого горя и обиды старуха стала полусумасшедшей... Жалко нам ее, старым партизанам, но чем поможешь? Сами варим щи из крапивы, да и то через день». «Уважаемый старичек Черевков, израненный в схватках лихих за совет, ослеп и ноги больше не держат». Ниществует, ходит с внуком по базарам и трактирам, проси Христа ради. «Кавалер золотого оружия, Федор Подобедов, командовавший в разное время эскадроном, кавалерийским полком и бригадой, в 1920 году памятным всем нам приказом был отстранен от командования по несоответствию». Идет перечисление его подвигов. «Он хотя и неграмотный, но многие ученые генералы и бандиты не знали, куда от него бежать». И вот уволили. «Не мимо говорит пословица: лаял Серко — нужен был, а стар стал — со двора вон». Этому сказочному герою дали место базарного распорядителя. «Знакомые станичники зло насмеялись над красным командиром, дослужившимся до метлы». Подобедов запил, потом попал в территориальную часть заведующим хозяйством, пропил двух казенных лошадей, попал в тюрьму. А на допросе в военном трибунале допрашивал его некогда взятый им в плен белый прапорщик. Хотел он этого прапорщика тут же и прикончить, да кто-то заступился за него. «И вот он — гад — незаменимый технический работник и следователь в трибунале». И спрашивает Подобедова:

— Почему же такое, товарищ, был ты революционером, а стал конокрадом?... Помнишь поход на Маныч? Косяки калмыцких лошадей гнали за собою, а тут и двух пропить не разрешают... Не восемнадцатый верно годочек?

Не стерпел Федор таковы слов, выхватил у конвойного пашку и, потянувшись через стол, нарушил тишину — зарубил того незаменимого Евтушевского прямо в мягком кресле». Федор этот после сам образовал шайку бандитов и целый ряд «обиженных бойцов увел за собою».

Но не только «орловские», — свои собственные герои устроились по-новому. «Вот другой наш вождь — заведующий кооперацией, бывший кузнец Евтихий Воловод. Закрыв глаза портфелем, прибил, гад, на кабинетной двери лозунг: «Без доклада не входить». За что мы, Михаил Васильевич, воевали — за кабинеты или за комитеты?» — горестно спрашивает автор. Этот Евтихий во время боя с белыми захватили жену одного добровольческого капитана и ныне живет с ней припеваючи. Работают на них кучер и кухарка. «Евтихий партийную школу окончил, потом какие-то курсы кончил, теперь нас уму - разуму учит... И тут мы спускаем штаны, заворачиваем рубахи и по-

казываем раны колотые, раны стреляные. следы шомполов и нагаек».

Партизаны задаются вопросами: «Оглянешься назад, вспомнишь, сколько мы страху приняли, сколько своей и чужой крови пролили, — и чего же добились?... Михаил Васильевич, кто топчет надежды наши? Или разливали мы кровь свою ни за-нет? Или утратив силу в огне, кровью своею оконфужены?... Голоса наши когда-то гремели на кровавых полях, а нонче они робко звучат в стенах канцелярий. Много погибло наших дорогих товарищей, но о них и помину нет местной властью. Нас, защитников и завоевателей призывают только по большим праздникам. да когда в нос колет — во время проведения какой-нибудь кампании, а потом опять отсовывают в темный угол. Закомиссарились прохвосты, опьянели властью. Ежели такие и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит»²).

Этот потрясающий вопль дает нам достаточно отчетливое представление о той общественно - психологической атмосфере, в какой воспитывается новое военное поколение. Если бы действующие лица этого «полурассказа» были на действительной службе в рядах красной армии, то они в ней нашли бы те же элементы маразма и разложения, какие они видят вокруг себя. «Орловские» в армию просачиваются из страны и сама армия для них такой же питательный бульон, как и глубокие дебри самой страны. В армии среди «орловских» еще больше коммунистов, чем в стране, но это нисколько не меняет положения, если только не ухудшает его большей дозой привычного лицемерия и хамелеонства. Та военная молодежь, которая жалуется на скуку и на будни, это еще лучшая, потому что она все-таки еще чувствует кричащее противоречие между революционной фразеологией доктрины и серой тоской революционного декаданса. Большинство же над этим уже не задумывается и безвольно плывет по ленивому течению будничной жизни.

II

Старая революционная традиция умерла, прежние бойцы или вымерли или погрузились в липкую тину обывательщины. А те деятели красной армии, которые проделали героическую ее эпоху и остались в армии и поныне, превратились в военно-бюрократический генералитет, надменный и самовластный, охранительный и инертный, озабоченный, прежде всего, защитой своих безграничных прерогатив, в которых они видят альфу и